

赤い糸

Связанные красной нитью

Анна Делман

Анна Делман

Связанные красной нитью

<https://litres.ru/74220533>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ася Нежина с детства видит то, чего не видят другие — тонкую алую нить, протянутую от её мизинца в бесконечность. Она привыкла считать это странностью, пока однажды на собственной выставке не встречает незнакомца. От его руки к её руке тянется такая же нить — живая, пульсирующая, неразрывная. Но он не верит в судьбу. Павел Резник — талантливый композитор, скептик и прагматик, привыкший доверять только тому, что можно услышать и записать нотами. Он пришёл в галерею случайно, но ушёл — с чувством, что его жизнь только что перевернулась.

Их тянет друг к другу с необъяснимой силой. Каждое прикосновение делает нить ярче, каждый разговор убеждает: они связаны. Но у Павла есть прошлое, а у Аси — страх поверить. Когда он получает приглашение на проект всей своей жизни и уезжает в Токио на два года, расстояние начинает запутывать нить в тугие болезненные узлы. Ревность, непонимание и усталость делают своё дело — и однажды нить натягивается до предела, грозя оборваться навсегда.

Содержание

Глава 1. Нить на ветру	4
Глава 2. Случайность или судьба?	13
Глава 3. Скептик и мечтательница	24
Глава 4. Тень из прошлого	37
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Анна Делман

Связанные красной нитью

Глава 1. Нить на ветру

Сны приходили к ней на исходе августа — неотвратимо, как первая холодная роса. Ася просыпалась всякий раз в одно и то же время: за окном ещё только занимался серый расцвет, а подушка была влажной от слёз, причины которых она не помнила. Только ощущение — острое, почти болезненное — того, что её кто-то зовёт. Не голосом. Не именем. Чем-то более древним, спрятанным внутри.

В этих снах не было сюжета. Лишь туман — густой, перламутровый, подсвеченный изнутри алым, — и нить. Тонкая, как паутинка, она тянулась от мизинца её левой руки и уходила в зыбкую бесконечность, пульсируя в такт далёкому сердцебиению. Ася пыталась идти за ней, но ноги вязли в тумане, а нить всё натягивалась и натягивалась, пока боль не выдёргивала её обратно в явь.

В это утро — решающее, выставочное — Ася стояла перед зеркалом в своей крошечной мастерской, разглядывая собственные руки. Никакой нити, конечно, не было. Только бледная кожа, следы акварели под ногтями и тонкая голубая венка на запястье. Она машинально потёрла мизинец — там,

где во сне всегда ощущалось жжение.

— Просто нервы, — сказала она своему отражению. — Просто выставка.

Отражение не ответило. Но в глубине зрачков, расширенных утренним полумраком, Асе почудился отблеск алого. Она зажмурилась, встряхнула головой и пошла варить кофе.

Галерея «Белая мансарда» пряталась в одном из кривых арбатских переулков — двухэтажный флигель с большими окнами и скрипучей деревянной лестницей, пахнувшей маслом и старой бумагой. Ася любила это место той особенной нежностью, какую художники испытывают к пространствам, впервые согласившимся их принять. До открытия оставалось восемь часов, и сейчас она сидела на полу прямо в центре зала, окружённая разложенными по кругу картинами, как колдунья в центре рунного круга.

Картин было двадцать три. Ася Нежина, двадцать семь лет, иллюстратор детских книг и автор мрачноватых акварельных сюит, решила на первую персональную выставку. Идея пришла к ней внезапно — или, как она теперь думала, вкрадчиво просочилась из всё тех же снов. Галерейщица, пожилая эксцентричная дама по имени Марья Львовна, посмотрела работы и сказала: «У тебя, деточка, не краски — жилы. Красной нитью прошито. Пусть люди увидят».

Станный выходил у неё вернисаж. Тема — «Следы невидимого». Ася собирала его из разрозненных, но объединённых внутренним напряжением работ: городские пейзажи, в

которых тени прохожих переплетались в причудливые узлы; портреты незнакомцев, у каждого из которых вокруг мизинца вилась едва заметная алая линия; полуабстрактные композиции, напоминающие то ли вены, то ли корни деревьев. Марья Львовна была права: красная нить действительно прошивала всё её творчество, и Ася поняла это только сейчас, глядя на разложенные холсты.

— Душа наружу, — прошептала она и, вздохнув, потянулась за багетом.

День пролетел в обычной предвыставочной лихорадке. Привезли цветы — белые лилии, которые Ася терпеть не могла, но заказчик настаивал. Проверили свет. Перевесили центральное полотно на десять сантиметров левее, потому что «так энергия идёт правильнее» — это уже вмешалась Марья Львовна со своим фэн-шуем. Ася улыбалась, кивала, поправляла волосы, заколотые наспех деревянной шпилькой, и чувствовала, как внутри нарастает странная вибрация. Такое бывало перед грозой. Или перед бедой. Или — как в детстве, когда она впервые поняла, что видит то, чего не видят другие.

К семи вечера галерея наполнилась гулом. Пришло человек тридцать — для первого раза очень неплохо. Ася стояла у стены с бокалом шампанского, вцепившись в тонкую ножку так, будто это была единственная опора, и пыталась унять внутреннюю дрожь. Она ненавидела быть в центре внимания. Гораздо легче было прятаться за холстами, вкладывая в

них то, что невозможно сказать вслух.

— Асенька, душенька, потрясающе! — к ней подплыла искусствоведческая дама в пурпурном, загребая руками воздух. — Эти ваши нити... это же прямая отсылка к мифологии судьбы, не так ли? Умозрительно! Изумительно!

— Да, — ответила Ася, глядя не на даму, а на своё отражение в её огромных серьгах, — отсылка. Наверное.

Она и сама не знала. Всё, что она рисовала последние полгода, шло откуда-то изнутри, из тёмного, влажного колодца подсознания, на дне которого пульсировала алая жила. Критики потом напишут о «глубоком архетипическом символизме», но Ася лишь пожимала плечами. Она просто рисовала то, что видела во сне.

В восемь вечера, когда небо за окнами галереи налилось густой синевой, а шампанское в бокалах потеплело, дверь открылась, и вошёл он.

Ася заметила его не сразу — она как раз объясняла пожилой паре концепцию триптиха «Узлы». Но вдруг сердце пропустило удар. Буквально: бухнуло в грудную клетку, замерло на долю секунды и понеслось вскачь, как испуганная лошадь. Ася подняла глаза, и мир вокруг поплыл.

У входа, нерешительно оглядываясь, стоял мужчина. Высокий, широкоплечий, в тёмно-сером пальто с поднятым воротником, из-под которого выглядывал край чёрного шарфа. Тёмные волосы чуть влажные — видимо, попал под начинающийся дождь. Лицо... Ася не могла разглядеть его издале-

ка, но что-то в его осанке, в том, как он чуть склонил голову, разглядывая картины, — заставило её замереть.

А потом он повернулся к центральному полотну — тому самому, что называлось «Алый след» и висело на отдельной стене. На картине была изображена тонкая, светящаяся нить, протянувшаяся через весь холст по диагонали и теряющаяся в тёмном, почти чёрном фоне. Никаких фигур. Только след.

Мужчина замер перед ней. Смотрел долго, не двигаясь. И Ася, не в силах отвести взгляд, смотрела на него.

А потом случилось то, чего она боялась и ждала одновременно.

От мизинца его левой руки — он как раз снял перчатку, рассеянно теребя её в пальцах, — протянулась нить. Алая. Светящаяся. Пульсирующая. Она задрожала в воздухе, как струна, и, прочертив плавную дугу через весь зал, коснулась мизинца Аси.

Ася ахнула и выронила бокал. Тот упал на паркет с тихим звоном, расплескав остатки шампанского. Никто не обернулся. Никто, кроме него.

Он вздрогнул, оторвал взгляд от картины и посмотрел прямо на неё. И Ася утонула в этом взгляде — сером, как грозовое небо, в котором метались растерянность и узнавание.

Он ничего не видел. Она поняла это мгновенно. Он не видел нити — только смотрел на неё, на незнакомую девушку, стоявшую у стены с побелевшим лицом и осколками у

ног. Но что-то он всё-таки почувствовал. Потому что его рука непроизвольно дёрнулась к груди, туда, где сердце, и он на мгновение прикрыл глаза.

Ася хотела отвернуться, убежать, спрятаться — но нить держала её крепче любого каната. Она натянулась, когда мужчина сделал шаг в её сторону, и тихонько запела — так поют ветра в печных трубах.

— Простите, — услышала она его голос. Низкий, с хрипотцой, какой бывает у простуженных или много молчавших людей. — С вами всё в порядке?

Он стоял уже в двух шагах. Смотрел на осколки, потом на неё — и в серых глазах плескалась тревога. Чистая, неподдельная. Будто он и впрямь испугался за неё.

— Да, — голос Аси прозвучал глухо. — Просто... подвернулся каблук. Глупо.

— Это ваша картина? — он кивнул в сторону «Алого следа», не отводя взгляда от её лица. — Я почему-то сразу понял. Она... как вы.

— Как я?

— Не знаю, как объяснить. Живая. И немного не отсюда.

Ася сглотнула. Нить между ними сияла так ярко, что ей казалось — сейчас все увидят. Она посмотрела на его мизинец — там, на коже, действительно проступала едва заметная алая полоска, словно след от туго завязанной нитки.

— Вы верите в судьбу? — вопрос вырвался сам, прежде чем она успела его остановить.

Он удивлённо моргнул.

— В судьбу? — переспросил он, и уголок его губ дрогнул в тени улыбки. — Я, скорее, верю в акустику. В ноты. В то, что у каждой мелодии есть логика. А судьба... — он помедлил, — это, наверное, музыка, которую мы ещё не научились слушать.

Ася не нашлась, что ответить. Музыка, которую мы не научились слушать. Это говорил человек, который явно имел дело со звуком. Кто он? Музыкант?

— Павел, — представился он, протягивая руку. — Павел Резник. Простите, что врываюсь. Я, собственно, искал подарок и забрёл сюда случайно. Но теперь... — он запнулся, — кажется, не случайно.

— Ася, — она вложила свою ладонь в его, и от прикосновения по руке пробежал электрический ток. Нить на мизинце засияла ослепительно, и на секунду Асе показалось, что Павел тоже это заметил — потому что он замер, глядя на их сомкнутые руки, и на лице его мелькнула тень узнавания. Но тут же исчезла.

— Ася, — повторил он, будто пробуя имя на вкус. — Красивое. Имя-вдох.

— Или имя-шёпот, — улыбнулась она, с трудом выдерживая его взгляд.

— Да. Точно.

Они стояли так несколько мгновений, не разнимая рук, и Ася чувствовала, как нить мягко обвивает их пальцы, связы-

вая в единое целое. Это было самое странное и самое правильное ощущение в её жизни.

— Простите, мне, наверное, пора, — сказал Павел вдруг, и в его голосе мелькнула нотка паники. Он отпустил её руку, отступил на шаг. — У меня... встреча. Я только взгляну на остальные работы, если позволите, и пойду.

— Конечно, — выдохнула Ася. — Смотрите.

Он кивнул и быстро, почти бегом, направился к выходу. Но у двери остановился, обернулся — и ещё раз посмотрел на неё. В этом взгляде было столько смятения, столько невысказанного, что у Аси перехватило дыхание.

А потом он ушёл. Дверь мягко закрылась за ним, и нить, связывающая их, натянулась до предела — тугая, звенящая, живая. Она проходила сквозь стены, сквозь окна, сквозь весь вечерний город, и Ася знала: сейчас она тянется за Павлом Резником по мокрому арбатским переулкам, и где-то там, на другом конце, он, быть может, трёт свой левый мизинец в недоумении.

Она опустила на стул и спрятала лицо в ладонях. Сердце колотилось где-то в горле. В ушах всё ещё звучал его голос: «музыка, которую мы ещё не научились слушать».

Вечер опустился на город окончательно. В галерее гасили свет. Последние гости разошлись, последние осколки бокала с шампанским подмели. Марья Львовна, сияющая и чуть пьяная, обнимала Асю и говорила что-то об успехе, о продажах, о том, что «это только начало». Ася кивала, улыбалась,

но мысли её были далеко — там, где сквозь туман вновь потянулась алая нить.

Она знала: завтра он проснётся и не вспомнит ни её лица, ни имени. Но где-то глубоко внутри, под рёбрами, останется странное ноющее чувство — как будто он что-то потерял. Или, наоборот, нашёл.

Ася подошла к окну и прижалась лбом к холодному стеклу. Внизу, на мокром асфальте, дрожали отражения фонарей. Нить на мизинце тихо светилась.

Глава 2. Случайность или судьба?

Ночь после выставки Ася не спала.

Она лежала в своей мастерской, на старом диване, застеленном пледом в мелкий цветочек, и смотрела в потолок. За окном шуршал дождь — нудный, сентябрьский, обещающий скорые холода. В комнате пахло акварелью, скипидаром и чуть-чуть — его одеколоном. Хотя этого, конечно, не могло быть. Она просто запомнила запах: горьковатый, с нотой кедра и чего-то свежего, как ветер с моря. Павел Резник. Имя-аккорд.

Ася повернулась на бок и поднесла левую руку к глазам. Нить была здесь. Теперь она видела её постоянно — не только во сне, не только в полумраке галереи. Она светилась в темноте, тонкая, как лазерный луч, и уходила сквозь стену, сквозь мокрую московскую ночь, в неизвестном направлении. Туда, где был он.

— Этого не может быть, — прошептала Ася в подушку. — Я просто переутомилась. Это нервное.

Но нить не исчезала. Она мягко пульсировала в такт сердцу — не собственному, а тому, другому, далёкому, которое она впервые услышала ещё в детстве, когда засыпала и ей казалось, что где-то за стеной бьётся второе сердце. Мама говорила, что это просто шум крови в ушах. Но Ася знала: это не шум. Это Он. Тот, кого она всю жизнь ждала и боялась

встретить.

В шесть утра, отчаявшись уснуть, она села за ноутбук. Экран залил её лицо мертвенным синим светом. Пальцы сами набрали в поисковой строке: «красная нить судьбы легенда».

Интернет отозвался лавиной ссылок. Ася читала до полудня, не отрываясь, забыв про кофе, про голод, про всё на свете. Она погружалась в древние мифы, как в тёплое море, и с каждым новым абзацем её сердце колотилось всё сильнее.

Японцы называли это «акэй ито» — красная нить. Невидимая связь, которая тянется от мизинца мужчины к мизинцу женщины, предназначенных друг другу самой судьбой. Нить могла растягиваться, путаться, завязываться в узлы, но никогда не рвалась. Она соединяла людей вне времени и пространства, вне их воли и желаний. Встретятся они или нет — зависело от тысячи случайностей, но нить оставалась. Всегда.

Китайцы верили в «юнь сянь» — нить судьбы, которую старик Юэ Лао, лунный бог браков, привязывал к ногам новорождённых. Те, кого он связал, рано или поздно найдут друг друга, даже если их разделяют океаны и годы.

Корейцы говорили о «ин ён» — предназначении, вышитом на небесном шёлке.

Ася читала и плакала. Тихо, беззвучно, размазывая слёзы по щекам. Значит, это правда. Значит, она не сумасшедшая. То, что она видела — не галлюцинация, не игра воображе-

ния, не нервный срыв. Это древняя, как мир, магия, в которую верили поколения.

И тут же накатывал страх. Если нить существует, если она настоящая, — что теперь с этим делать? Как жить, зная, что где-то там, на другом конце, ходит человек, привязанный к тебе навечно? Человек, который вчера вежливо улыбнулся и ушёл, оставив после себя только имя и шлейф кедрового запаха. Человек, у которого, возможно, есть своя жизнь, свои планы, своя... любовь?

Ася захлопнула ноутбук и уставилась в стену. На обоях играли солнечные зайчики — дождь кончился. Надо было что-то делать. Ехать к врачу? К психиатру? Или...

Она посмотрела на нить. Та стала чуть ярче, словно откликаясь на её смятение.

— Чего ты хочешь от меня? — спросила Ася вслух, и собственный голос показался ей чужим. — Что я должна сделать?

Нить молчала. Только пульсировала — ровно, спокойно, как маяк в ночи.

В то же утро Павел Резник проснулся с тяжёлой головой и странным чувством пустоты в груди. Он лежал в своей спальне, глядя на белый потолок, и пытался понять, что не так.

Квартира была прибрана — Вероника постаралась. Из кухни доносился запах свежесваренного кофе и её шаги —

чёткие, уверенные, всегда знающие, куда и зачем. Вероника вообще всегда всё знала. Красивая, успешная, с идеально уложенными волосами цвета мёда и безупречным вкусом в одежде. Они встречались почти два года. Она работала арт-директором в крупном рекламном агентстве и считала, что жизнь должна быть спланирована на пять лет вперёд. Павел, с его вечными сомнениями, метаниями и ночными бдениями за роялем, в эту схему вписывался с трудом, но Вероника старалась. Искренне старалась.

— Ты сегодня какой-то дёрганный, — сказала она, вплывая в спальню с двумя чашками. — Опять всю ночь сочинял?

— Нет. — Павел сел на кровати, взял чашку, но пить не стал. — Просто плохо спал.

— Тебе надо к врачу. Или хотя бы начать принимать магний. Я читала статью...

— Вероника, — перебил он мягко, — всё в порядке.

Она замолчала и посмотрела на него внимательно. Слишком внимательно. Так смотрят на картину, в которой вдруг заметили брак — трещинку в краске, неверный мазок.

— Ты какой-то другой со вчерашнего вечера, — сказала она медленно. — Что случилось на этой выставке?

Павел вздрогнул. Он не рассказывал ей подробно. Сказал только, что зашёл случайно, искал подарок для её матери, но ничего не купил. Про картину «Алый след» не упомянул. Про девушку с именем-вздохом — тем более.

— Ничего не случилось. Устал просто.

Вероника поджала губы. Она чувствовала ложь, как акула чувствует кровь в воде — на расстоянии, безошибочно. Но устраивать сцену с утра было не в её правилах.

— Ладно. Вечером идём к Марковым на ужин, не забыл? Я заеду за тобой в восемь.

— Помню, — соврал Павел.

Она поцеловала его в щёку — сухо, почти формально — и ушла, цокая каблуками по паркету. Хлопнула входная дверь. Павел остался один.

И тут же на него накатило. То самое ощущение, которое он безуспешно гнал с прошлого вечера. Пустота. Нет, не пустота — скорее, присутствие. Как будто в комнате был кто-то ещё. Как будто воздух стал плотнее и в нём появился едва уловимый аромат — не духи, не цветы, а что-то неуловимое, как запах свежего снега.

Он машинально потёр левый мизинец. Там, на коже, осталась едва заметная красноватая полоска — словно от нитки, которую слишком туго завязали и тут же сняли. Он заметил её вчера, когда раздевался перед сном, и тогда списал на аллергию. Но сейчас, глядя на неё при дневном свете, Павел почему-то вспомнил картину. «Алый след». Девушку с разбитым бокалом. Её глаза — тёмные, глубокие, в которых плескалось странное, пугающее узнавание.

Она смотрела на него так, будто знала его сто лет.

— Чушь, — сказал Павел вслух и решительно встал с кровати. — Просто чушь.

Но, отправляясь в душ, он поймал себя на том, что насвистывает мелодию, которую никогда раньше не слышал. Она родилась в голове прямо сейчас — лёгкая, звенящая, с тревожной нотой. Мелодия для двоих.

День тянулся бесконечно. Павел попытался работать — засел за рояль в своей домашней студии, разложил ноты, включил диктофон. Но звуки не складывались. Привычная гармония рассыпалась на отдельные, бессмысленные ноты. Руки сами собой играли что-то другое — ту самую мелодию, утреннюю, непрощенную. Он записал её, прослушал, стёр. Записал снова.

В три часа дня, окончательно выбившись из рабочего ритма, он оделся и вышел на улицу. Сентябрьское солнце светило робко, сквозь облака. Москва дышала влажным асфальтом и прелой листвой. Павел брёл без цели, засунув руки в карманы пальто, и ловил себя на том, что всматривается в лица прохожих. Искал Её. Глупо. Зачем? Что он скажет? «Здравствуйте, я композитор, мы вчера встречались, и у меня странное чувство, будто я вас знаю»? Бред.

Ноги сами привели его в переулки старого Арбата. Туда, где вчера горели тёплым светом витрины галерей. Он даже прошёл мимо «Белой мансарды» — с замиранием сердца, сам себя ругая, — но дверь была заперта. Выставка закончилась.

Павел вздохнул и свернул в первую попавшуюся кофейню. Маленькую, с низкими потолками, пахнущую корицей и свежемолотым зерном. На стеклянной витрине висела табличка «У Лиса» — нарисованная от руки, с рыжим зверьком, свернувшимся калачиком вокруг чашки. Он заказал капучино, сел за угловой столик у окна и уставился на улицу, сам не зная, чего ждёт.

А через десять минут дверь кофейни открылась, и вошла Ася.

Она тоже не знала, зачем пришла сюда. Просто утром, натягивая свитер и собираясь выйти за продуктами, она вдруг ощутила рывок — нить на мизинце дёрнулась и натянулась так сильно, что Ася едва не вскрикнула. Она указывала направление. Не географическое — скорее, эмоциональное. «Иди», — казалось, говорила она. И Ася пошла.

Полтора часа она бродила по городу, позволяя нити вести её. Та то ослабевала, то натягивалась вновь, и Ася сворачивала, подчиняясь беззвучному зову. Дважды она чуть не попала под машину, засмотревшись на светящуюся алую линию. Один раз чуть не столкнулась с прохожим. Но в итоге вышла к знакомому переулку, к той самой галерее, а потом — к кофейне, в которой любила сидеть студенткой.

Она толкнула дверь, звякнул колокольчик — и замерла на пороге.

Павел сидел у окна, с чашкой в руках, и смотрел прямо на неё. В его серых глазах плескалось то же самое выражение, что и вчера: растерянность пополам с узнаванием.

— Вы?.. — выдохнули они одновременно, и это вышло так комично, что оба улыбнулись.

— Ася, — сказал Павел, поднимаясь. — Я надеялся... То есть, нет, не надеялся. Просто... Чёрт, как это глупо звучит. Вы не присядете?

— Присяду, — ответила она, всё ещё стоя в дверях. Нить на мизинце сияла ярче солнца, и Ася с трудом подавила желание зажмуриться. — Случайно здесь оказалась. Честное слово.

— Случайно? — Павел прищурился. — А мне почему-то кажется, что нет.

Он отодвинул для неё стул. Она села, положила руки на стол, стараясь, чтобы левый мизинец не бросался в глаза. Но Павел смотрел не на руки — он смотрел ей в лицо с какой-то жадной, почти голодной внимательностью.

— Я вас вспоминал, — сказал он вдруг, без предисловий. — Весь день. Это ненормально, да?

— Почему же? — Ася попыталась улыбнуться. — Художникам и композиторам свойственно быть странными. Мы живём в мире образов и звуков.

— Откуда вы знаете, что я композитор?

Ася прикусила язык. Действительно, откуда? Он не говорил. Только обмолвился про ноты и мелодию, но этого мало.

— Вы же сами сказали вчера... про музыку, которую мы не научились слушать, — нашлась она. — Только музыкант мог так сказать.

— А, точно. — Павел расслабился, но тень сомнения всё ещё пряталась в уголках его глаз. — Да, я композитор. Пишу музыку для фильмов, иногда — для себя. А вы иллюстрируете книги?

— Иллюстрирую. Детские, в основном, но сейчас взялась за более серьёзные проекты. Выставка была моей первой попыткой выйти за рамки.

— Мне понравилось, — сказал Павел тихо. — Особенно та картина... «Алый след». Она меня задела. Я, знаете, даже ночью просыпался и думал о ней.

Ася почувствовала, как краска заливает щёки. Он думал о ней. Не о картине — о ней. Просто не умел это сформулировать. Нить на мизинце запульсировала часто-часто, как сердце испуганной птицы.

— Спасибо, — прошептала она.

Они замолчали. Официантка принесла Асе латте с миндальным молоком — она заказала первое, что пришло в голову. Павел вертел в пальцах пустую чашку.

— Ася, — начал он осторожно, — я понимаю, что это может прозвучать дико. Мы едва знакомы. Но у меня к вам предложение. Деловое. Только деловое.

Она подняла брови.

— Я сейчас работаю над нотным сборником. Свои форте-

пианные пьесы. Хочу издать ограниченным тиражом, с иллюстрациями. Не детскими — такими... атмосферными. Как ваш «Алый след». Мне кажется, вы могли бы это сделать. Почувствовать музыку и перевести её в изображение.

У Аси перехватило дыхание. Он предлагал ей работу. Не свидание, не продолжение знакомства — просто работу. И это было правильно. Это давало повод.

— Я... никогда не работала с музыкой, — сказала она честно. — Но идея завораживает. Можно попробовать.

— Правда? — Павел просиял так, словно она согласилась выйти за него замуж. — Я пришлю вам записи. Мы могли бы встретиться, обсудить концепцию. У вас есть визитка?

— Визитки нет, — Ася улыбнулась, — но есть телефон.

Они обменялись номерами. Когда Павел диктовал цифры, Ася записывала их в заметки на телефоне, и её пальцы дрожали. Она чувствовала, как нить на мизинце вибрирует — мелко, радостно, словно смеялась. Словно говорила: «Ну наконец-то».

— Я вам напишу, — сказал Павел, пряча телефон в карман. — Сегодня же.

— Буду ждать.

Они поднялись одновременно. Стулья отодвинулись с лёгким скрипом. Ася вдруг поняла, что не хочет уходить. Что готова сидеть в этой кофейне вечно, лишь бы слышать его голос и чувствовать это странное, щемящее тепло в груди.

— Ася, — Павел на секунду задержал её руку в своей,

прощаясь. — Я рад, что вы разбили вчера бокал.

— Я тоже, — ответила она, сама не зная, что говорит.

Он улыбнулся, отпустил её руку и вышел. Дверь звякнула колокольчиком. Ася осталась стоять, прижимая ладонь к груди. Нить на мизинце светилась мягким, счастливым светом и чуть заметно раскачивалась, будто танцевала.

«Случайность или судьба?» — спросила она мысленно неизвестно кого. И сама же ответила, глядя вслед удаляющейся фигуре в сером пальто:

— Судьба.

А потом улыбнулась — широко, открыто, впервые за долгое время — и вышла на улицу, под сентябрьское солнце, пахнущее мокрым асфальтом и новой жизнью.

Глава 3. Скептик и мечтательница

Три дня после встречи в кофейне «У Лиса» прошли в странном, лихорадочном тумане. Ася и Павел не виделись, но их телефоны, казалось, жили собственной жизнью. Переписка началась с делового сообщения — Павел прислал три фортепианные пьесы, записанные на домашний диктофон, с пометкой: «Слушайте в наушниках. И желательно ночью». Ася послушала днём, не удержавшись, и расплакалась прямо над рабочим столом. Музыка была именно такой, какой она её представляла, — одновременно хрупкой и могучей, как весенний лёд на Москве-реке. Мелодии плыли, сталкивались, расходились, и в каждой ноте звучала та самая незавершённость, которую она всю жизнь пыталась передать красками.

Она ответила ему: «Это прекрасно. У меня мурашки. Приходите в мастерскую, будем думать над образами». Ответ пришёл через минуту — короткое «Завтра? Адрес?» и смайлик, похожий на улыбающуюся луну. Ася отправила адрес и до утра не могла уснуть, глядя на экран телефона и чувствуя, как нить на мизинце тихонько звенит в такт последней пьесе.

И вот теперь, в субботний полдень, она металась по мастерской с тряпкой в руках, пытаюсь навести хотя бы видимость порядка. Это было безнадёжно. Мастерская Аси

Нежиной, расположенная в мансарде старого кирпичного дома на Покровке, не знала уборки никогда. Она жила своей жизнью — дышала, разрасталась, плодила эскизы, как дерево плодит листья. Повсюду — на стенах, на полу, на спинках стульев и даже на холодильнике — висели рисунки. Акварельные разводы, угольные штрихи, пастельные пятна. Наброски кошек, деревьев, женских лиц, причудливых узоров. И во всём этом царил один цвет — алый. То тонкой ниточкой, прошивающей край листа, то ярким пятном в центре композиции, то едва заметным оттенком в серой дымке. Ася не замечала этого, пока однажды к ней не зашла Марья Львовна и не сказала: «У тебя, деточка, тут как в артерии — пульсирует».

Теперь, стоя посреди этого творческого хаоса, Ася вдруг увидела всё его глазами. Будущего гостя. Павла. Человека порядка и гармонии — так ей казалось по его музыке. Что он подумает? Решит, что она сумасшедшая? Засмеётся?

Она решительно сгребла с дивана кипу эскизов и засунула их в шкаф. Из шкафа выпали три банки с акрилом и старый плед. Плед она оставила, банки пнула ногой под стол и огляделась. Стало чуть лучше. По крайней мере, теперь на диван можно было сесть.

— Ася, прекрати, — сказала она себе вслух. — Это рабочая встреча. Ты художник, он композитор. Вы будете обсуждать проект. Никакой магии. Никаких нитей.

Нить на мизинце в ответ весело запульсировала, и Ася ед-

ва не застонала.

Ровно в два часа дня в дверь позвонили. Ася вздрогнула, хотя ждала этого звука всё утро. Она подошла к двери, глубоко вздохнула, пригладила волосы — вечно выбивающиеся из-под заколки, непослушные, русые, с медным отливом, — и открыла.

На пороге стоял Павел. В руках он держал картонный тубус и небольшой бумажный пакет, из которого выглядывало горлышко винной бутылки. Выглядел он иначе, чем в прошлые встречи, — без пальто, в тёмно-синем свитере грубой вязки, с шарфом, небрежно намотанным вокруг шеи, и в джинсах. Домашний, подумала Ася. Уютный. Тёплый.

— Здравствуйте, — сказал он, и его голос чуть дрогнул. — Я тут подумал... работать над творческим проектом без вина — дурной тон.

— Здравствуйте, — улыбнулась Ася, отступая в сторону. — Проходите. Только не пугайтесь. У меня тут... атмосферно.

— Я надеюсь, — ответил Павел и шагнул внутрь.

Он замер на пороге мастерской, оглядываясь. Ася наблюдала за ним с замиранием сердца. Его взгляд скользил по стенам, по этюдникам, по разбросанным повсюду кистям. Он молчал, и Ася уже приготовилась услышать что-то вежливо-нейтральное — «мило», или «уютно», или «как интересно». Но Павел сказал совсем другое.

— Тут пахнет домом, — произнёс он тихо. — Настоящим

домом. Не квартирой, а именно домом. У меня так пахло в детстве у бабушки в деревне... красками, травами, старым деревом. Я сто лет этого не чувствовал.

Ася моргнула. Он попал в самое сердце.

— Спасибо, — выдохнула она. — Это, наверное, лучший комплимент, который я слышала.

— Это не комплимент, — Павел повернулся к ней, и в его серых глазах зажглись золотые искры от висящей под потолком лампы. — Это правда.

Нить на мизинце Аси мягко засветилась, и она увидела — отчётливо, как никогда, — что на его левой руке тоже появилась едва заметная алая полоска. Тоньше, чем у Аси, бледнее, но уже настоящая.

— Давайте я покажу вам мастерскую, — предложила Ася, чтобы скрыть волнение. — А потом вы мне — музыку. По-настоящему. Не в записи.

— Вы хотите, чтобы я сыграл? — Павел удивлённо поднял брови. — Здесь?

— У меня есть пианино, — Ася кивнула в угол, где под грудой эскизов и старых пледов пряталось старенькое чёрное пианино «Красный Октябрь». — Оно расстроенное, но в этом есть своя прелесть.

— Вы играете?

— Нет. Оно стояло здесь, когда я въехала. Иногда я просто нажимаю на клавиши, чтобы услышать звук. Одна нота — и целый мир. Как у вас это получается?

Павел подошёл к пианино и осторожно, почти благоговейно, снял с него плед. Провёл пальцами по крышке, по клавишам — не нажимая, просто касаясь. Ася увидела, как изменилось его лицо. Оно стало мягче, моложе, словно он на мгновение превратился в мальчика, впервые увидевшего инструмент.

— Я не умею это объяснять, — сказал он, не оборачиваясь. — Музыка — это не я. Она приходит сама. Я просто проводник. Руки помнят мелодию раньше, чем голова её осознаёт. Иногда мне кажется, что я всю жизнь играю одну и ту же пьесу, только в разных вариациях. Слышу её с детства. Где-то здесь, — он прижал ладонь к груди. — И пытаюсь записать.

Ася замерла. Он говорил о музыке — а ей казалось, что она слышит свой собственный голос. Она тоже всю жизнь рисовала одно и то же. Одну нить.

— Я понимаю, — сказала она тихо. — У меня так с цветом. Особенно с алым. Он везде. Я не специально. Он сам.

Павел обернулся и посмотрел на неё. Их глаза встретились, и в этот миг нить натянулась так сильно, что Ася почувствовала её как физическую боль — сладкую, острую, похожую на предвкушение.

— Давайте послушаем музыку? — предложила она, отводя взгляд.

Они сели на диван. Вернее, сел Павел, а Ася пристроилась рядом на старом деревянном стуле, который когда-то был та-

буретом, а потом лишился спинки и стал арт-объектом. Павел достал из тубуса ноты — исписанные от руки, с пометками на полях — и разложил их на коленях.

— Это черновики, — сказал он извиняющимся тоном. — Я хочу, чтобы к каждой пьесе была иллюстрация. Не прямая, не буквальная. А такая... параллельная реальность. Что вы видите, когда слышите это?

Он протянул ей наушники. Ася взяла их, и их пальцы на секунду соприкоснулись. По руке пробежало тепло — то самое, что она уже чувствовала в галерее. Павел, кажется, тоже его заметил, потому что вздрогнул и отдернул руку.

— Простите, — пробормотал он.

— За что?

— Не знаю. За статическое электричество?

Ася улыбнулась и надела наушники. Заиграла музыка — та самая, которую она уже слушала ночью, но теперь, в присутствии автора, она звучала иначе. Глубже. Объёмнее. Мелодия взлетала и падала, кружилась и замирала, и в каждой ноте Ася видела цвет. Она закрыла глаза и отдалась этому потоку.

Когда пьеса кончилась, она открыла глаза и увидела, что Павел смотрит на неё — пристально, напряжённо, как будто от её слов зависит что-то большее, чем судьба нотного сборника.

— Ну? — спросил он хрипло.

— Это... — Ася покачала головой, подбирая слова. — Это

как красная нить.

Павел нахмурился.

— Что?

Ася поняла, что сказала вслух то, что видела внутренним взором. Отступить было поздно.

— Красная нить, — повторила она, стараясь, чтобы голос звучал буднично, как если бы речь шла о цветовой гамме. — Я вижу мелодию как алую линию. Она то натянута, то ослаблена. То дрожит, то замирает. Как нить судьбы.

— Нить судьбы? — Павел усмехнулся. — Это из японских легенд, да? Мне бабушка в детстве что-то такое рассказывала.

— Да, — Ася оживилась. — Это называется «акэй ито». Верите в такое?

— Нет, — ответил он быстро, даже слишком быстро. — Я вообще не верю в судьбу. В предопределение. В то, что наши жизни расписаны кем-то заранее. Это... романтическая чушь.

— Почему чушь?

— Потому что это удобная сказка. Для тех, кто боится брать ответственность. «Нам не суждено» — и всё, руки умыты. «Это судьба» — и можно не думать головой. А жизнь, Ася, — это выбор. Каждый день. Каждую минуту.

Он говорил горячо, убеждённо, и Ася видела, как за этими словами стоит что-то личное. Какая-то давняя история, может быть, разочарование. Она не стала спорить. Вместо

этого она встала, подошла к книжному шкафу и достала с верхней полки небольшую папку.

— Хотите, покажу кое-что?

Она села рядом с ним на диван — уже без стеснения, забыв о дистанции — и раскрыла папку. Внутри лежали старые бумаги, пожелтевшие, с потёртыми краями. Ася осторожно, двумя пальцами, вытянула одну из них и протянула Павлу.

Это была японская гравюра. Старинная, ручная работа — тушь по рисовой бумаге. На ней был изображён мужчина и женщина, стоящие друг к другу спинами. Их мизинцы были связаны тонкой алой нитью, которая светилась, словно живая. Нить не натягивалась — она провисала мягкой петлёй, но в ней чувствовалась сила. Вокруг фигур клубился туман, а где-то вдалеке, на горизонте, алел закат.

— Это оригинал? — спросил Павел, и в его голосе исчез скепсис. Осталось только любопытство.

— Копия, — призналась Ася. — Но очень старая. Мне её подарила бабушка. Она говорила, что эта гравюра хранится в нашей семье больше ста лет. И что каждая женщина в нашем роду видела эту нить. Не на картинке — в жизни.

Павел поднял на неё глаза.

— Вы тоже?

Ася замерла. Вопрос повис в воздухе, как последний аккорд.

— Я... — она запнулась. — Я вижу много такого, чего не видят другие. Художники вообще странные люди.

Она попыталась обратить всё в шутку, но Павел не улыбнулся. Он смотрел на неё внимательно, изучающе, и в его взгляде читалась напряжённая работа мысли.

— Знаете, — сказал он медленно, — когда я был маленьким, мне казалось, что я слышу чью-то мелодию. Не свою. Чужую. Она звучала во сне, или когда я болел, или когда долго сидел один. Я думал, что это у всех так. А потом вырос и решил, что это просто фантазия.

— Может, не просто? — тихо спросила Ася.

— Может, — неожиданно согласился он. — Но я предпочитаю думать, что это просто особенность моего слуха. Абсолютный слух и всё такое.

Он снова посмотрел на гравюру.

— И всё-таки красивая легенда, — сказал он примирительно. — Даже если это выдумка. Даже если просто метафора.

— А что, если не метафора? — Ася заглянула ему в глаза. — Что, если нить существует на самом деле?

Павел улыбнулся, и в этой улыбке мелькнуло что-то тёплое, почти нежное.

— Тогда мне жаль того беднягу, кого привязали ко мне, — сказал он, пытаясь шутить, но шутка вышла грустной. — Связаться с занудным скептиком — то ещё испытание.

— Испытания закаляют, — улыбнулась Ася в ответ.

В этот момент их пальцы снова встретились. Он потянулся, чтобы вернуть гравюру, она протянула руку, чтобы при-

нять её, — и их мизинцы соприкоснулись. Тот самый, левый мизинец, на котором Ася видела нить.

По телу пробежала волна тепла. Не просто тепла — жара. Такого, какой бывает в самый разгар лета, когда солнце стоит в зените и воздух плавится. У Аси перехватило дыхание. Павел замер, и она увидела, как расширились его зрачки. Он тоже почувствовал. Не мог не почувствовать.

— Что это? — спросил он шёпотом, глядя на их руки.

— Статическое электричество, — выдохнула Ася его же словами.

— Нет. Не электричество.

Он не отпустил её пальцы. Его большой палец — тёплый, чуть шершавый от клавиш — скользнул по её мизинцу, туда, где пульсировала алая нить. Ася зажмурилась. Нить сияла. Она видела это даже сквозь закрытые веки — яркая, живая, трепещущая. И на его мизинце — о чудо! — проступила ответная линия, ярче, чем прежде. Теперь она была отчётливой, словно кто-то провёл по коже тонкой кистью, обмакнутой в кармин.

— Павел, — прошептала она.

— Я не знаю, что происходит, — сказал он, и в его голосе слышалась растерянность. — Но мне кажется, я... Я вас знаю. Не с галереи. Не с кофейни. Гораздо дольше. Вы мне снились, Ася. Я только сейчас вспомнил.

Ася открыла глаза. Он смотрел на неё, и в его серых глазах больше не было скепсиса. Только вопрос. Огромный, всепо-

глощающий вопрос, на который нет простого ответа.

— И что мы будем с этим делать? — спросила она.

— Работать, — ответил Павел и вдруг улыбнулся — светло, открыто, как тогда, в кофейне. — У нас же проект. Нотный сборник. Иллюстрации. Пьеса номер два, между прочим, ждёт вашего вердикта.

Он отпустил её руку и деловито потянулся за нотами. Момент был разорван. Ася выдохнула, не зная, радоваться этому или огорчаться. Он спрятался в работу — это было понятно. Так проще. Так безопаснее.

Остаток дня они провели за обсуждением проекта. Павел проигрывал пьесы на расстроенном пианино — оказалось, он умеет извлекать музыку даже из самого безнадёжного инструмента, — а Ася делала наброски. Быстрые, летучие, почти бессознательные. Она не показывала их Павлу, откладывала в сторону, но в каждом наброске, в каждом штрихе проступала алая нить. То в виде линии горизонта, то в виде ветки дерева, то в виде контура ладони. Она ничего не могла с собой поделать.

Когда за окнами начали сгущаться сумерки, Павел засобирался. Он долго благодарил, мялся в дверях, что-то говорил о том, что следующий сеанс можно провести у него в студии, где нормальный рояль. Ася кивала. Ей было грустно отпускать его, но она понимала: сегодня и так случилось слишком много.

— Спасибо, — сказал Павел напоследок. — За сегодня.

За всё. Я давно так... не чувствовал.

— Как?

— Себя. Настоящего.

Он ушёл. Дверь закрылась. Ася прижалась лбом к прохладному дереву и несколько минут стояла так, слушая, как затихают внизу его шаги. Потом вернулась в мастерскую, села за стол и взяла в руки карандаш.

Она рисовала до глубокой ночи. Портрет. Его лицо — с этими серыми глазами, в которых отражался закат, с этой полуулыбкой, прячущейся в уголках губ, с этим упрямым подбородком скептика. Она рисовала его по памяти, но память не подвела ни разу — ни в изгибе бровей, ни в линии скул. А вокруг его левой руки, которой он касался клавиш, она провела алый контур. Светящийся. Живой. Такой же, как нить на мизинце.

Когда портрет был готов, Ася откинулась на спинку стула и долго смотрела на него. Карандаш выпал из ослабевших пальцев. В мастерской было тихо. Только за окном шуршал дождь и где-то далеко, на другом конце города, звучала — она знала это — та самая мелодия, которую он наигрывал сегодня на её старом пианино.

— Скептик и мечтательница, — прошептала Ася, глядя на портрет. — Интересно, кто из нас на самом деле кто?

Портрет молчал. Но нить на её мизинце пульсировала спокойно, ровно, словно отвечала: «Оба. Вы оба».

Ася улыбнулась, погасила свет и легла спать прямо на ди-

ване, не раздеваясь. Ей снилась музыка.

Глава 4. Тень из прошлого

Сентябрь перевалил за середину. Москва стояла золотая, прозрачная, пронизанная тем особым светом, который бывает только в пору увядания — ярким, но уже лишённым летней силы. В парках жгли листву, и горьковатый дым смешивался с ароматом антоновских яблок. Ася любила эту пору. Она напоминала ей акварель «сепия с кадмием» — тёплую, чуть грустную, но в грусти этой таилось обещание покоя.

Две недели, прошедшие после визита Павла в мастерскую, стали для неё временем странного, зыбкого счастья. Они виделись ещё трижды — всё под тем же предлогом работы над нотным сборником. Павел присылал новые пьесы, Ася делала наброски, и каждая встреча отзывалась в ней долгим, томительным эхом. Они говорили о цвете и звуке, о детстве и мечтах, о городах, в которых никогда не были, и о книгах, которые читали в разное время, но одинаково сильно любили. И с каждым разговором нить на мизинце становилась всё ярче, всё теплее, словно впитывала в себя свет этих часов.

Но была одна тень, о которой оба молчали. Павел ни разу не упомянул Веронику, и Ася, повинаясь какому-то интуитивному чутью, не спрашивала. Она знала — та женщина существует. Вспоминала тот мимолётный разговор в галерее, когда Павел обмолвился о «встрече», о «подарке». Чувствовала её присутствие где-то на периферии, как чувствуют на-

двигающуюся грозу. Но отгоняла эти мысли. Ей было слишком хорошо, чтобы думать о плохом.

И вот, в один из вторников, когда Ася заканчивала очередной эскиз — на этот раз к «Ноктюрну №4», самой тёмной и тревожной из его пьес, — телефон зазвонил.

— Ася? — голос Павла звучал взволнованно, почти по-мальчишески. — У меня через три дня концерт. Авторский. В Доме Архитектора на Гранатном. Я... я хотел бы, чтобы вы пришли. Если сможете. Это важно для меня.

— Концерт? — Ася отложила кисть и выпрямилась. — Вы не говорили.

— Сам узнал только вчера. Всё сорганизовалось внезапно. Небольшой зал, камерная программа. Я буду играть свои вещи, в том числе те, над которыми мы работаем. Мне нужно, чтобы вы их услышали вживую. Вы — мой первый зритель. То есть, слушатель.

Он запнулся, и Ася услышала в трубке его дыхание — частое, неровное.

— Я приду, — сказала она просто. — Обязательно.

— Правда? — выдохнул Павел с явным облегчением. — Я оставлю для вас билет. Второй ряд, центр. Чтобы вы видели клавиши.

— Как скажете, маэстро, — улыбнулась Ася.

— Не называйте меня так, — попросил он, и в голосе мелькнула прежняя, скептическая нотка. — Я не маэстро. Я просто человек, который пытается рассказать что-то звука-

ми.

— Вот именно поэтому вы маэстро, — ответила она тихо. Он помолчал, а потом сказал — совсем другим тоном, мягким и тёплым:

— Жду вас. Очень.

И повесил трубку.

Ася долго сидела, прижав телефон к груди. Нить на мизинце светилась мягким, ровным светом, и ей казалось, что она слышит в этом свечении дальний отзвук рояля.

Вечер концерта наступил быстрее, чем она ожидала. Ася перемерила весь свой скромный гардероб, прежде чем осталась на тёмно-синем платье с длинными рукавами — простом, почти строгом, но удивительно идущем к её глазам. Волосы она собрала в низкий пучок, оставив несколько прядей у лица. Подкрасила ресницы, тронула губы бледно-розовым блеском. Посмотрела в зеркало — и осталась довольна. Выглядела она не броско, но достойно. Как женщина, которая идёт слушать музыку, а не искать приключений.

Хотя кого она обманывала? Сердце колотилось так, будто ей предстояло не сидеть в зале, а выйти на сцену.

Дом Архитектора на Гранатном встретил её теплом старинных люстр и шорохом вечерних нарядов. Публика собралась разношёрстная — седовласые дамы в жемчугах, молодые люди в свитерах и джинсах, пара музыкальных крити-

ков с блокнотами, несколько коллег Павла, которых она не знала. Ася нашла своё место во втором ряду, села и замерла, разглядывая сцену.

Рояль стоял в центре, чёрный, блестящий, как антрацит. Крышка была поднята, и внутри тускло отсвечивали струны. Ася видела такие инструменты только на картинках — концертный «Steinway», предмет вожделения любого пианиста. Интересно, каково это — касаться его клавиш? Каково это — когда из-под твоих пальцев рождается музыка, заполняющая целый зал?

Свет погас. Зал затих. И на сцену вышел Павел.

Он был в чёрном костюме, белой рубашке, без галстука. Волосы чуть длиннее обычного, падали на лоб. Лицо бледное, сосредоточенное. Он не смотрел в зал. Подошёл к роялю, сел, поправил фалды пиджака и на мгновение замер. В тишине было слышно, как кто-то кашлянул на галёрке. А потом его руки легли на клавиши — и мир исчез.

Первая же нота пронзила Асю насквозь. Это была та самая мелодия — из кофейни, из мастерской, из её снов. Но сейчас, под высокими сводами зала, рождённая живым инструментом, она зазвучала совсем иначе. Она была огромной, как небо, и одновременно интимной, как шёпот на ухо. Она взлетала, кружилась, плакала и смеялась. Ася закрыла глаза и увидела нить — яркую, пульсирующую, протянутую прямо от рояля к её сердцу. Она вибрировала в такт музыке, и каждая вибрация отзывалась в теле волной мурашек.

Павел играл, и Асе казалось, что он рассказывает ей — именно ей, одной во всём зале — какую-то давнюю, бережно хранимую историю. О том, как долго он искал и не находил. О том, как боялся поверить. О том, как однажды осенним вечером зашёл в галерею и увидел алую нить на холсте — и в собственной душе.

Она не заметила, как потекли слёзы. Просто в какой-то момент почувствовала влагу на щеках. Смахнула её украдкой, огляделась — и увидела, что плачет не одна. Какая-то женщина в первом ряду прижимала платок к глазам, а пожилой мужчина с тростью сидел, закрыв лицо ладонью.

Концерт длился час с небольшим. Когда отзвучали последние аккорды, зал взорвался аплодисментами. Павел встал, поклонился — сдержанно, почти смущённо — и ушёл за кулисы. Но публика не отпускала. Он вернулся, сыграл на бис короткую, светлую пьесу — «Колыбельную для Аси», как он объявил, глядя прямо во второй ряд, и у Аси перехватило дыхание.

Он назвал её имя. Со сцены. При всех.

После концерта в фойе устроили небольшой фуршет. Ася стояла у колонны с бокалом белого вина, которое не пила, и ждала. Ей хотелось увидеть Павла, сказать ему что-то важное — она ещё не знала, что именно, но слова уже складывались внутри. Вокруг гудела толпа, звеневшая бокалами и компли-

ментами. Ася слышала обрывки фраз: «...потрясающая глубина...», «...совершенно новая интонация...», «...кто эта Ася, которой он посвятил колыбельную?..» Последнее заставило её улыбнуться и одновременно похолодеть. Она не была готова стать «той самой Асей» для посторонних.

И тут она увидела Павла.

Он вышел из служебной двери, всё ещё в концертном костюме, но уже без пиджака — в одной рубашке с закатанными рукавами. Вид у него был усталый, но счастливый. Он искал кого-то глазами. Нашёл — Асю. Улыбнулся и направился к ней.

Но не успел.

Путь ему преградила женщина. Высокая, стройная, с волосами цвета мёда, уложенными в идеальную волну. На ней было облегающее платье цвета марсала, туфли на шпильке, в ушах поблёскивали бриллианты — настоящие, не стразы. Она двигалась сквозь толпу, как ледокол сквозь битый лёд, — уверенно, неумолимо.

Вероника.

Ася узнала её сразу, хотя никогда не видела. Просто поняла — по тому, как изменилось лицо Павла. Улыбка сползла с его губ, сменившись растерянностью, почти испугом.

— Павлик! — голос Вероники прозвучал громко, почти театрально. — Потрясающий концерт! Ты был великолепен!

Она подошла к нему вплотную, обвила руками его шею и поцеловала в щёку — долгим, собственническим поцелуем.

А потом, не разжимая объятий, повернулась к ближайшей группке гостей и громко, так, чтобы слышали все, произнесла:

— Знакомьтесь, я Вероника, невеста нашего гения. Простите, что опоздала, — задержали на работе. Но я всегда прихожу, чтобы поддержать своего мужчину. Своего.

Последнее слово она выделила особо. И посмотрела при этом прямо на Павла — с вызовом, с предупреждением.

Ася видела эту сцену от начала до конца. Видела, как Вероника прижимается к Павлу, как её ухоженные пальцы с алым маникюром сжимаются на его плече, как она поворачивает его к себе, не давая уйти. И чувствовала — сначала холод, потом жар, а потом резкую, острую боль.

Нить на мизинце дёрнулась и натянулась до предела, впиваясь в кожу, как раскалённая проволока. Ася вскрикнула — беззвучно, одними губами — и прижала руку к груди. Боль была невыносимой. Она жгла, резала, выворачивала наизнанку. Нить больше не светилась — она полыхала багровым, как ожог, и пульсировала в такт бешеному сердцебиению.

Она всё поняла неправильно. Он не свободен. Он никогда не был свободен. Все эти разговоры, взгляды, прикосновения — игра? Или он просто не смог сказать ей правду? Или она сама придумала то, чего нет?

— Ася? — услышала она голос Павла, но он звучал откуда-то издалека, сквозь гул в ушах.

Она не ответила. Не могла. Резко развернулась, поставила бокал на поднос пробегающего официанта — стекло звякнуло, чуть не опрокинувшись — и быстрым шагом направилась к выходу.

— Ася, подождите!

Он звал её. Она слышала его шаги за спиной, но не обернулась. Нить натянулась так, что, казалось, ещё немного — и лопнет. Ася почти бежала сквозь фойе, расталкивая гостей, не разбирая дороги. Лестница, гардероб, тяжёлая входная дверь — и наконец-то холодный осенний воздух ударил в лицо.

На улице шёл мелкий дождь. Ася остановилась на крыльце, хватая ртом воздух. Слезы — те самые, что копились весь вечер, — хлынули наружу. Она плакала навзрыд, как ребёнок, прижимая к груди левую руку с горящим мизинцем. Нить всё ещё была здесь — тугая, болезненная, злая. Но теперь она уходила не вперёд, к нему, а куда-то в темноту, в никуда.

— Обманул, — прошептала Ася сквозь слёзы. — Обманул.

Сзади хлопнула дверь. Она услышала его шаги — быстрые, нервные.

— Ася! Ася, постойте! Чёрт возьми, да подождите же!

Она не обернулась. Сбежала по ступенькам и почти бегом направилась к арке, ведущей на Гранатный. Дождь усилился, капли смешивались со слезами. Она не оглядывалась. Не

могла. Ей казалось, что если она сейчас увидит его лицо — разбитое, виноватое, — то просто умрёт на месте.

За спиной раздался его крик — отчаянный, полный боли: — Ася!

И тишина.

Она скрылась в арке. Каблуки застучали по брусчатке, эхо заметалось между старыми стенами. А потом всё стихло. Только дождь.

Павел стоял на крыльце Дома Архитектора, глядя в темноту, где только что исчезла Ася. Рубашка промокла насквозь за считанные минуты, волосы прилипли ко лбу. Он не чувствовал холода. Чувствовал только пустоту — огромную, звенящую, какая бывает после того, как оборвётся последняя нота.

— Павел! — Вероника вышла следом, кутаясь в палантин. — Что за спектакль? Кто эта девица? Почему ты убежал?

Он повернулся к ней. Лицо его было бледным, глаза горели.

— Вероника, — сказал он тихо, но в голосе звенел металл. — Нам нужно поговорить.

— О чём? — она натянуто улыбнулась, но в глазах уже мелькнул страх. — О том, что ты бегаешь за какими-то провинциальными художницами? Я видела её на выставке. Паша, это смешно.

— Это не смешно, — ответил он. — Это серьёзно. Пойдём.

Он взял её под локоть, отвёл в сторону от входа, под козырёк соседнего здания. Дождь барабанил по жести. Вероника вырвала руку.

— Не смей меня таскать! — прошипела она. — Объясни, что происходит. Ты уже месяц сам не свой. Я думала, это из-за работы. Но теперь вижу — из-за неё. Ты с ней спишь?

— Нет.

— Врёшь.

— Нет, Вероника, не вру. Я с ней не сплю. — Павел сглотнул. — Но я люблю её.

Тишина. Вероника отшатнулась, как от пощёчины.

— Что ты сказал?

— Я люблю её, — повторил Павел, и слова эти, произнесённые вслух впервые, ударили его самого с неожиданной силой. — Я не знаю, как это случилось. Не знаю, почему. Но когда я с ней — я настоящий. С тобой — я всё время играю роль. Хорошего парня. Успешного композитора. Будущего мужа. А с ней... с ней я просто Паша. Тот самый, который в детстве слышал чужую мелодию во сне.

Вероника молчала. Лицо её застыло, как маска. Только в глазах разгорался гнев — холодный, расчётливый, тот самый, который она всегда умела обращать в оружие.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.